можно болѣе полномъ обезпеченіи интересовъ всего общества, какъ цѣлаго.

Анархизмъ не сознаетъ неизбѣжности этой двойственности общественнаго союза (отражающей двойственность меня и тебя, субъекта и объекта) и вѣритъ въ возможность полнаго освобожденія личности отъ общественнаго принужденія. Эта вѣра основывается на заблужденіи—на непониманіи истинной природы человѣческаго общества. Но, будучи теоретически несостоятельнымъ, анархизмъ можетъ имѣть положительное значеніе на практикѣ, составляя практическій противовѣсъ противоположному стремленію—превратить личность человѣка въ простой органъ общественнаго союза. Результатомъ борьбы этихъ двухъ противоположныхъ стремленій и должно быть соціалистическое общество будущаго, задачей котораго явится не подчиненіе личности обществу или общества личности, а возможно болѣе полное, но всегда относительное и не безусловное, примѣненіе двухъ этихъ противоположныхъ началъ—созданіе возможно болѣе благопріятныхъ условій для самаго широкаго развитія каждой человѣческой личности, во всей ея сложности и полнотѣ, но безъ ущерба развитію другихъ человѣческихъ личностей, принадлежащихъ къ тому же общественному союзу, охватывающаго собой въ идеалѣ все человѣчество, всѣ разумныя существа міра.

Есть только одна область человѣческой дѣятельности, въ которой возможна и необходима полная свобода—это область высшаго, умственнаго, творческаго труда. Въ этой области никакая власть большинства надъ меньшинствомъ не можетъ быть терпима. Всякая попытка подчинить общественному контролю творческій трудъ равносильна огромному пониженію его производительности, и, слѣдовательно, огромной потери для общества.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этой области отнюдь не требуется той строгой пропорціональности, которая составляетъ такое необходимое условіе хозяйственнаго труда. Общество не испытываетъ никакихъ страданій оттого, что въ одну эпоху преобладаетъ одинъ родъ искусства, въ другую другой. Если стиховъ написано больше или меньше, чѣмъ требуется общественнымъ спросомъ, то страдаютъ или выигрываютъ отъ этого преимущественно сами стихотворцы. Во всякомъ случаѣ, всякія внѣшнія мѣры воздѣйствія были бы въ данномъ случаѣ совершенно неумѣстны. Союзы людей творческаго труда—художественныя, научныя и литературныя общества, уже и теперь имѣютъ характеръ вполнѣ свободныхъ соглашеній и воплощаютъ собой анархическій идеалъ. Въ обществѣ будущаго такіе свободные анархическіе союзы должны получить, конечно, гораздо большее распространеніе, но основой хозяйственнаго строя общества они не станутъ никогда, ибо свобода личнаго произвола и строгая общественная пропорціональность—а безъ этой послѣдней немыслимо никакое общественное хозяйство, покоющееся на раздѣленіи труда,—суть вещи несовмѣстимыя.

М. Туганъ-Барановскій.

ПРОЛЕТАРІАТЪ И ДУМА.

Въ седьмой книжкѣ „Журнала для всѣхъ“ мы обѣщали читателю посвятить особую статью вопросу объ отношеніи пролетаріата къ Государственной Думѣ. Теперь Государственной Думы уже нѣтъ. Дума, рожденная въ мукахъ надвигавшагося банкротства, вспоенная ограниченнымъ бюрократомъ Булыгинымъ и взлелѣянная „спасителями Россіи“ Витте-Дурново, оказалась для бюрократіи „никуда негодной“, вредной; и съ народнымъ представительствомъ не стали церемониться: закрыли ворота Таврическаго дворца и приказали приставу—„не пущать“. „Лучшіе люди“ захотѣли быть слугами не бюрократіи, а народа,—ихъ признали худшими и разогнали, приказавъ приставамъ всей Россіи осуществлять вторую половину мымрецовской формулы—„тащить“ „излюбленныхъ людей“ въ участокъ. Въ Россіи нѣтъ болѣе Думы, а есть старое, родное—„тащить и не пущать“.

И теперь вопросъ объ отношеніи пролетаріата къ Государственной Думѣ не носитъ уже той остроты, какая была ему присуща тогда, какъ вопросу злободневному. Покуда Дума засѣдала, то или иное отношеніе къ ней пролетаріата, этого несомнѣннаго авангарда русскаго освободительнаго движенія, было далеко не безразлично ни для Думы и ея отдѣльныхъ фракцій, ни для самого пролетаріата, ни для всего народа. Теперь Думы нѣтъ—и вопросъ этотъ не имѣетъ *прежняго* значенія. Но ошибкой было бы думать, что онъ относится уже къ области исторіи. Эта исторія намъ слишкомъ близка, и самая важная часть исторической драмы еще впереди, такъ какъ пока закончился только прологъ ея. Быть можетъ, въ близкомъ будущемъ этому вопросу суждено будетъ снова стать однимъ изъ самыхъ злободневныхъ, а значитъ и яблокомъ раздора между различными партіями.

Исходя изъ этихъ соображеній, мы полагаемъ, что обсужденіе даннаго вопроса явится и теперь вполнѣ своевременнымъ.

Первый манифестъ о созывѣ народныхъ представителей—манифестъ 6-го августа—появился въ такое время, когда въ одныхъ мѣстахъ пролетаріатъ лишь готовился откликнуться на 9-ое января, и въ его средѣ, какъ передъ изверженіемъ вулкана, слышались глухіе раскаты; когда въ другихъ мѣстахъ это волненіе